

Б. П. Полевой

ДЮЧЕРСКАЯ ПРОБЛЕМА

(ПО ДАННЫМ РУССКИХ ДОКУМЕНТОВ XVII в.)

В документах о походах русских землепроходцев на Амур в XVII в. часто указывается, что в средней и нижней части реки живут дючеры («дзючеры», «дучеры», «джючеры», «жучеры», «чюচারы», «чючюры» и т. д.). В середине XIX в. некоторые исследователи попытались выяснить на месте, кого же именно русские казаки XVII в. называли дючерами. Первым этими изысканиями занялся Р. К. Маак. Однако его работы на Амуре в 1855 г. ничего не дали. Он вынужден был откровенно признаться: «Я ничего не мог узнать о дючерах...»¹. Впоследствии почти все этнографы Приамурья продолжали заниматься дючерской проблемой. То, что дючеры были тунгусо-маньчжурами, ни у кого сомнений не вызывало. Но на вопрос, предками каких именно современных народностей были дючеры, этнографы давали различные ответы.

В середине XX в. значительно расширился круг используемых русских источников по истории Приамурья XVII в., что и позволило решить дючерскую проблему по-новому. В настоящей статье приводится краткая сводка данных XVII в., свидетельствующих о том, что под дючерами русские в XVII в. имели в виду предков значительной части населения, вошедшей в состав современных нанайцев.

* * *

Исследователи давно уже установили, что низовых амурских нанайцев русские землепроходцы в XVII в. называли «натками», «наттами», «онатырками» и т. д.² Но лишь недавно, в 50-х годах XX в., выяснилось, что примерно с 1652 г. русские стали относить всех «натков» к дючерам. С этих пор в русских документах упоминаются только четыре главных

¹ Р. К. Маак. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению сибирского отдела Имп. Русского географического общества в 1855 году. СПб., 1859, с. 105, 145, 146.

² И. Ю. Москвитин, руководитель первого русского похода на Тихий океан (1639—1641 гг.), сообщал: «...а имя им натки» (см. Б. П. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан.— «Труды Томского обл. краеведческого музея», т. VI, в. 2, 1963, с. 29). Его спутник Н. И. Колобов писал, что среди южных тунгусов есть «свой род анатарки сидячие, не дошед до усть Муры (Амура)» (см. «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии». М., 1951, с. 140). По сведениям полярковцев, «натки живут по Амуру по обе стороны улу-самы, а ясаку они никому не дают» («Дополнения к Актам историческим, изданные Археографической комиссией» (далее — ДАИ), т. 3. СПб., 1848, с. 55). См. также Н. Н. Степанов. Первые сведения об Амуре и гольдах.— «Сов. этнография», 1950, № 1, с. 178—182. Сводку материалов о «натках», опубликованных ранее, см. Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883, т. 1, с. 115—118.

народа, проживающих на Амуре: тунгусы, дауры, дючеры и гиялки (нивхи)³. В ряде документов 50-х годов XVII в. прямо отмечается, что дючерская земля непосредственно граничит с «землей гиялков» (нивхов)⁴. Об этом писали уже некоторые участники похода Я. П. Хабарова, в том числе казаки, ушедшие от него в 1652 г.⁵, а также сподвижники Онуфрия Степанова Кузнеця (середина 50-х годов XVII в.)⁶. После гибели последнего в 1658 г. уцелевшие казаки спустились вниз по Амуру и, как гласят их собственные сообщения, «поставили острог промеж гиялцкой и жучерской земли»⁷.

Особенно важен для нас реставрированный в ЦГАДА документ 1653 г., в котором определены географические границы расселения разных народов в Приамурье. В этом документе четко сказано: «С устья Ньюмы по Кидийский улус живут дючеры»⁸. Река Ньюма (Нюман) — это Буряя; «Кидийский улус», или Кидзи, Кизи, находился у одноименного озера. А это означает, что русские в 50-х годах XVII в. в число дючеров включали буквально всех амурских нанайцев. Этот важный вывод подтверждается и анализом отрывочных сведений о родовом составе дючеров Нижнего Амура.

Долгое время в этнографической литературе высказывались самые разнообразные суждения относительно того, кем были упомянутые в отписках Я. П. Хабарова 1652 г. «ачаны». Л. И. Шренк ошибочно утверждал, что «ачаны» были будто бы... ольчами (ульчами — мангунами)⁹. П. П. Шмидт связывал их с нанайским родом «ходжо(н)»¹⁰. Ю. А. Сем писал: «Наши материалы дали возможность говорить об идентичности названия уссурийских и сунгарийских нанайцев акхани термину XVII в. — ачаны»¹¹. Однако изучение русских архивных документов XVII в. ясно показало, что «ачаны» (или «отщаны»), отнесенные в начале 50-х годов амурскими казаками к числу дючеров, получили свое наименование от названия нанайского рода оджал («узала», «еджень» и др.)¹². Поэтому и нанайское сел. Оджал (у маньчжуров: «Учжала») было названо русскими «Ачанским», «Очанским» или «Отщанским»¹³. Также «Ачанским»

³ Русские документы середины XVII в. ничего не говорят о проживании тогда на Амуре ульчей. Судя по русским документам, во второй половине XVII в. на Амуре в районах, прилегающих к устью Амгуни, сложилась довольно сложная обстановка, которая привела к временному запустению этих берегов. В конце XVII в. здесь появились различные тунгусоязычные пришельцы с севера и запада, которые довольно быстро сблизились с нивхами и нанайцами, жившими невдалеке. Видимо, в этот период и началось формирование ульчей как особой народности.

⁴ ДАИ, т. 4, СПб., 1851, с. 94.

⁵ Центральный Государственный архив древних актов, ф. Сибирского приказа (далее — ЦГАДА, СП), стб. 460, л. 14.

⁶ Сб. документов «Русско-китайские отношения в XVII веке» (далее — РКО), т. 1, М., 1969, с. 192, 203, 204.

⁷ Там же, с. 554.

⁸ ЦГАДА, СП, стб. 460, л. 101; см. также Б. П. Полевой. Дючеры — предки современных нанайцев. — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1971». Л., 1972, с. 29.

⁹ Л. Шренк. Указ. раб., с. 118, 146, 147, 155.

¹⁰ И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. — «Зап. О-ва изучения Амурского края», т. XVII. Владивосток, 1922, с. 16. По существу П. П. Шмидт повторил здесь мысль, впервые высказанную Р. К. Мааком (указ. раб., с. 159).

¹¹ Ю. А. Сем. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959, с. 5. См. также С. Н. Оненко. К вопросу о значении нанайского слова акани. — «Изв. Сиб. отд. АН СССР. Серия обществ. наук», Новосибирск, вып. 1, 1972, с. 145, 146.

¹² См.: Б. П. Полевой. О местонахождении Ачанского городка. — «Сов. археология», 1960, № 3, с. 330; *его же*. Дючеры..., с. 30. С этим выводом полностью согласился Б. О. Долгих. Еще 10 марта 1963 г. он писал мне: «К Вашей аргументации об отождествлении селения Ачанского с селением Оджал я могу добавить, что служилые люди не раз передавали звук *дж* или *дз* буквой *ч*; так из родовых названий Аджан или Оджан получались очаны, ичаны и т. д. Это название могло быть записано и адяны и озяны и т. д.»

¹³ «Отщанским» Я. П. Хабаров назвал этот городок в своей челобитной 1655 г. (ЦГАДА, СП, стб. 344, ч. 1, л. 79).

русские называли оз. Оджал-Болонь. На знаменитой карте Н. Витсена Татари «1687 г.» (изданной в 1690 г.) оно названо «Ачанским озером» — «Asanskoje Lacus»¹⁴. Весьма показательно, что и теперь, как отмечает Н. Б. Киле, здесь проживает немало нанайцев рода «Оджал (Одзял)»¹⁵.

В русских документах 1653 г. имеется упоминание о дючерском тойоне «Жакшуре»¹⁶. В этом имени нетрудно узнать родовое название «Заксор» (у Л. Я. Штернберга: «Saxsig»¹⁷). Следовательно, дочери XVII в. включали в свой состав и известный нанайский род Заксор. Среди дючеров, которые убили в 1653 г. Т. Е. Чечигина и его спутников, отправленных с особым дипломатическим поручением через «Дючерскую землю» к «богдойцам» (маньчжурам), были «килановы»¹⁸, т. е. нанайцы рода киле.

Уже из вышеприведенных примеров видно, что на территории, прилегающей к этой части Амура в XVII и в последующие века, вплоть до наших дней, проживали одни и те же нанайские роды. Столь же показательно, что поселения местных жителей на данной территории как в XVII, так и в XIX в., судя по амурской ясачной книге 1655—1656 гг.¹⁹ и по карте Приамурья, опубликованной этнографом Л. И. Шренком²⁰, имели одни и те же названия. Ясно, что если бы здесь на смену одному народу пришел другой, как полагали многие этнографы, то вряд ли старые названия селений (тем более малых) сохранились. Да и большинство этих названий, если не все, явно нанайского происхождения. Просто здесь один этноним был заменен другим.

Весьма показательно, что в русских документах XVII в. дочери часто противопоставляются богдойцам — маньчжурам. Это также говорит о том, что русские в XVII в. смотрели на дючеров как на *особую народность, отличную от маньчжуров*. И сами маньчжуры в ту эпоху считали дючеров тоже *особой народностью*.

Русские источники XVII в. отмечают, что граница между землей дючеров и «Богдойской землей» проходила по реке «Корге», или «Курге»²¹. В этом топониме нетрудно узнать маньчжурское «Хурха бира». Так маньчжуры называли правый приток Сунгари — р. Муданьцзян. Маньчжурское название же самой реки происходило от маньчжурского этнонима «хурха». Еще в 1966 г. советский маньчжуровед Г. В. Мелихов справедливо указал, что «хурха» — это маньчжурское наименование дючеров²². Но тогда он еще далек был от того, чтобы признать дючеров

¹⁴ Один экземпляр этой карты хранится в отделе картографии Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Второй экземпляр был найден в 1977 г. в фонде Ф. Остен-Сакена в ЦГАДА. Наилучшее воспроизведение этой карты см. в атласе: G. Kramp. Remarkable maps of the XV-th, XVI-th and XVII-th centuries reproduced in the original size, v. IV. Amsterdam, 1897; см. также Б. П. Полевой. О местонахождении Ачанского городка, с. 331.

¹⁵ Н. Б. Киле. Нанайские топонимы района озера Болонь. — «Филология народов Дальнего Востока (Ономастика)». Владивосток, 1977, с. 59.

¹⁶ ЦГАДА, СП, стб. 460, л. 8, 9; Б. П. Полевой. О местонахождении Ачанского городка, с. 331.

¹⁷ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 458.

¹⁸ ДАИ, т. 3, с. 526.

¹⁹ ЦГАДА, Якутская приказная изба (далее — ЯПИ), оп. 4, № 505, л. 1—32; см. также: Б. О. Долгих. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. — «Сборник статей по истории Дальнего Востока». М., 1958, с. 131—134; *его же*. Родовой и племенной состав народов Сибири. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LV, М., 1960, с. 592—599.

²⁰ Данная карта приложена в конце первого тома известного трехтомника Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края».

²¹ РКО, т. 1, с. 213; ДАИ, т. 4, с. 82; см. также чертеж Амура в «Хорографической книге» С. У. Ремезова (S. U. Remezov. Atlas of Siberia. 's-Gravenhage, 1958); РКО, т. 2, М., 1972 (вклейка между с. 524 и 525).

²² Г. В. Мелихов. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхацци и Абахая. — «Маньчжурское владичество в Китае». М., 1966, с. 95.

нанайцами. В 1966 г. Г. В. Мелихов писал: «Принятое маньчжурами общее название «хурха» в действительности включало в себя самые различные племена, роды и группы, проживавшие на огромной территории от границ с Кореей до Верхнего Амура»²³. Лишь в 1974 г. Г. В. Мелихов признал, что «хурха» — это сунгарийские нанайцы²⁴. Но это произошло уже после того, как в 1972 г. было опубликовано мое предварительное сообщение «Дючеры — предки современных нанайцев»²⁵. Это же положение в том же году поддержал маньчжуровед В. С. Стариков в докладе на научной сессии Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Считая сунгарийских «хурха» особой народностью, маньчжуры, начиная с 1611 г. организуют против них военные походы с тем, чтобы покорить их силой оружия. Такие колонизаторские походы против «хурха» маньчжуры — «богдойцы» продолжали и после появления на Амуре первых русских. Из маньчжурских документов видно, что сунгарийские «хурха» и по культуре, и по языку отличались от собственно маньчжуров. Напомню, например, что в 1635 г. глава маньчжурского государства Абахай, давая наказ своим полководцам о покорении «хурха» (дючеров), указывал, что «у людей тех мест язык сходен с нашим»²⁶. «Сходен», но не одинаков! А это еще раз говорит о том, что сунгарийские дючеры — «хурха» — были особой народностью, язык которой отличался от маньчжурского. Те «хурха», которые были оставлены маньчжурами на Сунгари, несомненно, являлись предками многих современных сунгарийских нанайцев.

В ряде случаев маньчжуры распространяли название «хурха» и на амурских нанайцев, которые тоже в середине XVIII в. были частично вывезены маньчжурскими завоевателями во внутренние части Маньчжурии.

В этнографической литературе часто повторяется версия о якобы полном выселении дючеров маньчжурами. Так, например, И. А. Лопатин утверждал, что «переселение дючеров, дауров и гогулей было полное, но осталось не только никого из числа этих народов, но и все их имущество, скот, запасы продовольствия и т. п. было переведено с Амура на места их нового обитания»²⁷.

Но так ли это было на самом деле?

Частичный вывод дючеров с Амура начался еще в 30-х годах XVII в. Уже тогда маньчжуры стали насильственно вывозить на юг сотни дючеров и некоторых из них включать в состав своей восьмизнаменной армии²⁸. Из текста найденной Б. О. Долгих амурской ясачной книги видно, что еще в 1655 г. на Амуре проживало весьма большое число дючеров²⁹. Лишь в 1656 г. маньчжуры решили удалить с *низовьев Сунгари и средней части Амура* всех дючеров-земледельцев и разорить их пашни и огороды. Это была военная мера, которая ставила своей целью лишить русских казаков продовольствия. И она действительно была осуществлена в весьма больших масштабах. Однако *полного* удаления дючеров с Амура ни тогда, ни позже не было, да оно было и практически невозможным: у маньчжуров для этой цели не хватило бы транспортных средств. Даже в сообщении Онуфрия Степанова Кузнецца, на которое ссылаются все исследователи, отнюдь не говорилось о полном выселении дючеров. «И по Амуру реке, — писал он в 1656 г., — до Шингалы

²³ Г. В. Мелихов. Указ. раб., с. 94.

²⁴ Г. В. Мелихов. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974, с. 53.

²⁵ См. «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР, 1971», с. 28—30.

²⁶ Г. В. Мелихов. Процесс консолидации..., с. 89.

²⁷ И. А. Лопатин. Указ. раб., с. 143.

²⁸ Г. В. Мелихов. Процесс консолидации..., с. 94.

²⁹ См. Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 592—598; *его же*. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в., с. 130.

реки (Сунгари.— *Б. П.*) дочерских людей не объявилось, а объявилось дочерских людей на Амуре немного, а те остальные дочерские люди объявились немногие люди, а сказывают, что де их, иноземцов дочерских людей, богдойской царь велел свести с великия реки Амура и снизу Шингалу реки в свою Богдойскую землю на Кургу реку, вверх по Шингалу реке житья их и юрты богдойского царя князец Сергудай (Шерхуда.— *Б. П.*) сожег и до конца разорил. А что в прошлом в 163 (1655) году собирал я, Онофрейко, с дочерских людей государев ясак, и тех улусов по Шингалу не стало, и ясаку имать стало не с кого, все иноземцы сведены в Богдойскую землю и по улусам, где были пашни и те все улусы пусты и выжжены, и севов нет, хлеба не сеяно нигде нисколько»³⁰.

В этой отписке Онуфрий Степанов Кузнец особо подчеркивает, во-первых, что маньчжуры постарались прежде всего разорить селения дочеро-земледельцев по Сунгари («Шингалу»), а на Амуре, откуда тоже исчезли многие дочери-земледельцы, все-таки «остальцы дочерские люди объявились немногие...». По амурским документам видно, что в 1657 г. число дочеро-земледельцев на Амуре вновь возросло: вернулась на Амур значительная часть амурских дочеро-земледельцев, которая в 1656 г. вынуждена была спасаться на притоках Амура и просто в тайге. И в течение всей второй половины XVII в. основным населением Амура от устья Сунгари и до земли гияльков (нивхов) продолжали оставаться дочери. На это указывает знаменитое «Сказание о великой реке Амуре» 1678 г.³¹ Об этом свидетельствует и интереснейший труд голландского ученого Н. Витсена «Северная и восточная Татария»³². Места обитания дочеро-земледельцев в конце XVII в. были показаны и на упоминавшейся карте Татарии Н. Витсена 1690 г. На карте несколько выше устья Уссури (Schug. fluv.) стоит надпись «Dtzoezera Populi» («народы джучера») и затем в самом низовье Амура имеется еще одна надпись «Sioetsari», которая ранее казалась загадочной. Значение этой надписи раскрыла следующая фраза в книге Н. Витсена: «народ джучера» (Dtzoezera), живущий севернее Амура, порою другими именуется «Zioetsartsckaja» («жучерская», «дочерская»)»³³. Само окончание на «ская» показывает, что Витсен заимствовал данное название из какого-то русского чертежа, на котором, видимо, была изображена «жучерская» или «дочерская» земля. Следовательно, и слово «Sioetsari» на карте Витсена тоже означает «дочеры». Таким образом, в конце XVII в. Витсен на основании более ранних источников считал, что дочери занимают Амур от Сунгари до «земли гияльков» в низовьях реки, т. е. земли амурских нанайцев.

Карта Татарии Н. Витсена отражала общую ситуацию на Амуре, еще существовавшую до Нерчинского договора 1689 г.³⁴

В XVIII в. насильственные уводы маньчжурами местного населения с Амура прекращаются. Оседлое население продолжало жить в своих старых «житиях». Именно этим объясняется, почему многие даже самые малые селения (в 2—5 юрт) смогли и в XIX в. сохранить те же названия, под которыми они были известны русским еще в XVII в.³⁵ Нельзя

³⁰ РКО, т. I, с. 213. См. также ДАИ, т. 4, с. 82.

³¹ См.: *А. Титов*. Сибирь XVII века. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, с. 109; *Б. П. Полевой*. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре». — «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Л., 1972, с. 277.

³² *N. Witsen*. Noord en oost Tartarye. Amsterdam, 1705, blz. 267—307 (первое издание вышло в Амстердаме в 1692 г.).

³³ Там же, с. 42.

³⁴ О времени составления основной части этой карты см. *Б. П. Полевой*. О картах Северной Азии Н. Витсена. — «Изв. АН СССР. Сер. геогр.», 1973, № 2, с. 124—127.

³⁵ Например, в ясачной книге 1655—1656 гг. (ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, кн. 505) назван Буринский улус—это, несомненно, нанайское сел. Бури (по-нанайски «оконечность стрелы» — по форме мыса), на месте которого в 1858 г. был основан город Ха-

считать случайным, что русские исследователи в середине XIX в. в большинстве районов, которые были заняты ранее дючерами, встретили нанайцев. Так было не только на Нижнем Амуре, но даже и у устья Сунгари. Уже Р. К. Маак, вернувшись из своего плавания по Амуру в 1855 г., писал: «Тунгусское племя, живущее здесь около устья р. Сунгари, без сомнения, составляло когда-то один народ с гольдиями, населяющими берега Амура, ниже устья р. Уссури, но впоследствии по причине влияния маньчжуров заимствовало иные обычаи и отпало от своих соседей. В настоящее время в его нравах ясно заметен переход от полудикой жизни гольдиев, существующих охотой и рыбной ловлей, к образованности манчжуров, которые, как нам известно, занимаются земледелием»³⁶. Позднее русские убедились, что данное «тунгусское племя» относилось тоже к нанайцам³⁷. По существу здесь повторилось то, что имело место в середине XVII в.: ведь еще поярковцы решили, что жители этого района отличаются от нижеамурских нанайцев, а восемь лет спустя спутники Я. П. Хабарова убедились, что жители Амура в районе устьев Сунгари и Уссури и нижеамурские «натки» принадлежат к одной большой народности — дючерам.

Особенно показательно, что совпали даже границы двух главных диалектных групп амурских нанайцев XIX в. и дючеров XVII в. Так, Р. К. Маак считал, что существуют весьма заметные различия в языке между нанайцами, живущими по Амуру выше Анюя («Долдона») и ниже его³⁸. Примерно в этом же районе и в XVII в. проходила граница между двумя группами дючеров. Поскольку эти различия были достаточно существенными, участники похода В. Д. Пояркова и приняли дючеров, живших в четырех сутках пути ниже устья Уссури, т. е. в устье Анюя («Долдона» — «Долдони») около селения дючера Чекуная, за особую народность «натки»³⁹, о которой впервые слышали еще в 1640 г. участники похода И. Ю. Москвитина — первого русского похода на Тихий океан⁴⁰.

В XIX в. исследователи установили, что именно тут начиналась территория, занятая нижеамурскими «ходжонами»⁴¹.

Исследователи давно уже полагают, что этноним «хечжень», «ходзоны» возник от нанайского самоназвания «хэдены» — «люди, живущие в низовьях реки» («хэде-най» — «нижний человек»). Другая группа дючеров Амура, живущая в районе Хингана и устья Буреи, именовалась «солонами» — этнонимом, который в переводе означал «люди, живущие вверх по реке» («соло-най» — «верхний человек») ⁴². Так верхних дюче-

баровск. Долинский улус — это Долэ или Доолин (по-нанайски «середина»). Шаргунский — Саргу (по-нанайски имеет различное значение: игла, сеть и т. д.; название могло произойти и от нанайского слова «труба» — «сарка»). Мая улус — Майе или Май (по-нанайски «локоть» — по форме берега). Кодосунский — Када Сэнде (по-нанайски «протока у скалы») и т. д. Подробнее см.: *Б. О. Долгих*. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в., с. 598, 599; *его же*. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 131, 132. Этимология нанайских названий амурских селений полностью подтверждается материалами недавно вышедшего двухтомного «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (Л., т. I, 1975; т. II, 1977).

³⁶ Р. К. Маак. Указ. раб., с. 145.

³⁷ См. «Дневник Дмитрия Богданова по поездке на Сунгари на пароходе „Телеграф“ в 1895 г.» — «Труды Приамурского отд. РГО», 1895, с. 3.

³⁸ Р. К. Маак. Указ. раб., с. 145.

³⁹ ДАИ, т. 3, с. 55.

⁴⁰ См. *Б. П. Полевой*. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Распросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 г.) — «Труды Томского обл. краеведческого музея», т. VI, вып. 2, 1963, с. 29.

⁴¹ Р. К. Маак. Указ. раб., с. 145.

⁴² «Языки народов СССР», т. V. — «Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки». Л., 1968, с. 54 (данные О. П. Суника) и с. 129 (данные В. А. Аврорина). Важно отметить, что маньчжуры к «солонам» («верхним людям») порою относили всех жителей Верхнего Амура, вплоть до эвенков-манегров. Эвенки-манегры («магнеири»). оказавшись среди «солон», переселенных на Нонни, смогли лучше сохранить свои этнические особенности.

ров называли и нанайцы и маньчжуры. Б. О. Долгих также отмечал: «Название соллогон, шелогон у эвенков» дословно означало «верхний (по течению реки) житель»⁴³. То же значение, по мнению Б. О. Долгих, имел и этноним «гогули» (так участники похода Я. П. Хабарова называли в 1652 г. группу верхних дочерев, живших главным образом вблизи малого Хингана — «Дючерского камня»).

Но если верхнеамурских дочерев называли «верхними», а нижнеамурских «нижними» и эти определения не относились к верхним даурам и нижним нивхам, то это еще раз говорит о том, что сами дочери уже в середине XVII в. в какой-то мере сознавали свое этническое единство. И это также дает основание полагать, что верхнеамурские дочери, жившие от устья р. Бурей до Малого Хингана («Дючерского камня»), которых маньчжуры называли «солонами», а участники похода Я. П. Хабарова в 1652 г. — «гогулями», также принадлежали или к нанайцам, или к какой-то близкой к ним этнической группе, но только не к богдойцам — маньчжурам.

Еще в 1856 г. П. П. Семенов высказал предположение, что этноним «гогули» мог быть связан с этнонимом «гольды»⁴⁴. Тогда эта гипотеза была отвергнута. Л. И. Шренк отказался согласиться с этим предположением, поскольку он искренне верил, что ни гольды, ни «гогули» никакого отношения не имеют к дочерам и что, идя вверх по Амуру, русские до гольдов могли добраться, лишь проехав «всю область дочерев»⁴⁵. Теперь, когда по документам XVII в. установлена ошибочность этих представлений Л. И. Шренка, предположение П. П. Семенова предстает перед нами в новом свете. Оно оказывается вполне реальным. В связи с этим нельзя не обратить внимание и на одну весьма любопытную, далеко еще не полную цепочку этнонимов. У эвенков этнониму «солонны» эквивалентно слово «соллогон»⁴⁶. У нивхов середины XIX в. он звучал как «салодина»⁴⁷, «чолодых», «чольдых»⁴⁸, «чолдок», что явно созвучно этнониму «гольдых», от которого еще в XVII в. возник русский этноним «гольдики»⁴⁹. По нашему мнению, уже это говорит о существовании своеобразной связи между этнонимами «солонны» и «гольды». Еще яснее эта связь обнаруживается через нанайский этноним «солдон», «сольды»⁵⁰. Как указывала Н. А. Липская, этноним «гольды» иногда произносится и как «гогды»⁵¹, а это и позволило еще Б. О. Долгих высказать предположение, что этноним «гогды» тесно связан с русским «гогули»⁵². Все это говорит за то, что дочери-гогули были, вероятнее всего, верхнеамурскими гольдами-нанайцами. Из первоисточников видно, что дочери-гогули были одновременно земледельцами и охотниками. Как

⁴³ Б. О. Долгих. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в., с. 131.

⁴⁴ См. К. Ритгер. Землеведение Азии. СПб., 1856, т. I, с. 187, (примечания П. П. Семенова).

⁴⁵ Л. Шренк. Указ. раб., с. 154.

⁴⁶ См. «Эвенкийско-русский словарь (составитель Г. М. Василевич)». М., 1958, с. 362; Г. М. Василевич. Эвенки. Л., 1969, с. 268; «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков». Л., 1977, т. 2, с. 108, 109.

⁴⁷ Б. П. Полевой. Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалину и устью Амура.— «Страны и народы Востока», т. XIII, М., 1972, с. 131, 143.

⁴⁸ Л. Шренк. Указ. раб., с. 153; И. А. Лопатин. Указ. раб., с. 17; Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 531.

⁴⁹ «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.». Сборник документов. Л., 1936, с. 148.

⁵⁰ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М — Л 1956, с. 787.

⁵¹ Н. А. Липская. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаяв (гольдов).— «Сов. этнография», 1940, № 3, с. 251. При этом Н. А. Липская поясняет: «Принимая во внимание, что чередование начальных «с» и «г» — явление, закономерное для этой группы языков, можно поставить знак равенства между сол и гол» (там же).

⁵² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 591.

охотники они не раз ходили на Зею, что стало известно русским еще во время похода В. Д. Пояркова⁵³.

Нельзя считать случайным, что в низовьях Зеи поярковец обнаружили «волость гогоули» и реку под названием «Гогоулкургу» (Томь)⁵⁴. Эти наименования явно связаны с этнонимом XVII в. «гогули», а «Кургой» или «Коргой», как мы знаем, русские в XVII в. называли правый приток Сунгари — р. Муданьцзян, по-маньчжурски «Хурха бира» — от этнонима «хурха». Поэтому весьма вероятно, что название реки «Гогоулкурга» произошло от двойного этнонима гогоул-курга (хурха). Не исключена возможность, что в далеком прошлом именно здесь проходила северная граница (в отличие от южной границы по Муданьцзяну) распространения дючеров-хурха. Любопытно отметить, что маньчжуры именовали эту группу дючеров «солонами». Это была та часть верхних дючеров-нанайцев, которых нижние дючеры-нанайцы называли «солил би нај» или «соло наини»⁵⁵. Потому-то и маньчжуры называли их солонами. По диалектам ближе всего к тунгусам были именно крайние верхние и крайние нижние амурские дючеры, находившиеся в более тесных контактах со своими соседями тунгусами.

В свете этих данных становится понятным, почему русские землепроходцы стали с 50-х годов XVIII в. именовать «дючерами» все население Амура от Буреи до оз. Кизи, а также жителей Уссури и низовьев Сунгари («Шингала»). Вполне очевидно, что казаки во время своих походов по Амуру, Сунгари и Уссури не могли не заметить, что многие жители этих районов были этнически весьма близки между собой и в то же время явно отличались от маньчжуров («богдойцев»).

Важно отметить, что у Н. Витсена имеются сведения, подтверждающие прежний вывод некоторых востоковедов и этнографов о том, что этноним «дючеры» произошел от этнонима «чжурчжени», но только в его монгольском варианте. В одном из описаний Приамурья в книге Н. Витсена сказано: «Имеется там народ, которого окружающие народы называют джучи (Dschuci). Монголы (мугалы) его называют джуртчи (Dschurtzi)⁵⁶. Этот народ был до сих пор очень плохо известен, так как они никогда не имели своих правителей и в насмешку их называли рыбьим народом (Visscher Volk).

Джуртческая страна (Dschurtsche Land) лежит между Восточным океаном, великой рекой Амур и Шингалом (Сунгари). Далее сообщалось, что от них на юг поступали «соболи и другие виды пушнины, а также ценный корень женьшень (Ginsen)». Витсен добавлял, что по китайским известиям «эти народы не знают ни искусства, ни науки, а только стрельбу и что они едят сырое мясо и пьют водку. Эти народы — нийджи (чжурчжени) — джуртчи (Niki, Dschurtzi) — давние враги китайцев. Еще 1800 лет назад китайцы называли их *кин*, что значит „золото“, потому что, говорят, в горах их страны много золота»⁵⁷.

Эти сведения Н. Витсена еще раз подтверждают, что дючеры — древнейшее население данной части Приамурья, издавна занимавшееся здесь тем, что было характерно для нанайцев — охотой и сбором дикорастущих растений (в особенности женьшеня). Справедливо указывается, что в прошлом дючеры, «джуртчи», назывались еще «рыбьим народом» — так Витсен в упрощенной форме давал перевод известного этно-

⁵³ Дючерского тойона Чинегу В. Д. Поярков встретил даже в верховьях Зеи в устье Умлекана (ДАИ, т. 3, с. 52).

⁵⁴ См. ДАИ, т. 3, с. 55.

⁵⁵ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. II, с. 109.

⁵⁶ Как сообщила нам монголистка Л. Л. Викторова, чжурчжени у монголов действительно назывались Jürged, Jürgedum — чжурчеды (см. С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. 1. М., 1941, с. 179, 298, 497). Н. Г. Спафарий указывал, что русские именуют «дючерами» народ «джурджи», или «джурджал» (см. «Собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома», оп. 23, № 223, л. 5, 6).

⁵⁷ N. Witsen. Указ. раб., с. 266.

нима «юпи-тадзы» (точнее, «юй пи тацзы»), которым китайцы именовали обитателей низовьев Сунгари, Среднего и Нижнего Амура и Приморья за то, что они носили одежду, сделанную из рыбьих кож.

Весьма любопытны данные и о самом происхождении этнонима «дючеры». Уже давно ряд исследователей (Н. Витсен, Ю. Клапрот, И. Плат и др.) высказывали мнение, что этноним «дючеры» произошел от более древнего этнонима «чжурчжени»⁵⁸.

Русские источники XVII в. полностью подтверждают эту мысль. Так, Н. Г. Спафарий, рассказывая о чжурчженях, добавлял, что «именуются они джурджи, а от наших — джучеры»⁵⁹. Н. Витсен знал ряд трудов Н. Г. Спафария, и, видимо, именно это известие Н. Г. Спафария и было им использовано. Далее, в найденной В. С. Мясниковым «Записке про Китайское царство» подьячего Петра Хмелева (конец XVII в.) есть фраза: «А что называются богдоями и те богдои преж того были чючары, а жили оне улусами, а вера у них была тунгуская, а грамоты никакие не знали»⁶⁰. Да, маньчжуры («богдойцы») были потомками чжурчженей. После гибели чжурчженского государства у них действительно длительное время не было грамоты: монгольский алфавит был принят маньчжурами только в 1599 г.⁶¹

Таким образом, для правильной интерпретации исторических документов, в которых упоминаются «дючеры», «чючары», «джючеры», «жучеры», «дучеры» и т. д., необходимо всегда помнить, что этот этноним на разных исторических этапах имел различное значение⁶². Видимо, одно время под «чючарами» подразумевались все чжурчжени, в том числе и предки маньчжуров. После падения государства чжурчженей этот этноним продолжал употребляться по отношению к тем народам, которые входили в состав государства чжурчженей. С образованием на юге особого маньчжурского государства и появления нового этнонима «маньчжуры», а позже — «богдойцы» (от монгольского «богд» — «верховный»), этноним «чючары» — «дючеры» изменил свое былое значение: он стал относиться лишь к тем тунгусо-маньчжурским племенам чжурчженского государства, которые не вошли в состав нового маньчжурского государства. Вот почему русские в середине XVII в. и противополоставляли «дючеров» собственно маньчжурам — богдойцам.

Очень важно обратить внимание на то, что этноним «дючеры» русские землепроходцы впервые услышали от монголоязычных дауров. Можно ли удивляться после этого тому, что в середине XIX в. Р. К. Маак и другие русские исследователи уже не слышали на Амуре слова «дючеры»: ведь монголоязычные дауры еще в XVII в. были переведены маньчжурами с Амура на р. Нонни. Следовательно, в Приамурье после насильственного удаления дауров этноним «дючеры» перестал употребляться. Точно так же позже вышел из употребления и этноним «богдойцы», появление которого в русских документах XVII в. также было свя-

⁵⁸ N. Witsen. Указ. раб., с. 266; J. Plath. Die Völker der Mandschurey. Göttingen, 1830, В. I, S. 64. Немецкий историк Маньчжурии И. Плат критиковал иезуита Жербийона за то, что последний отнес дючеров к числу маньчжуров. Плат считал дючеров особой народностью, хотя и близкой к маньчжурам. J. Klapproth. Description de la Chine sous le règne de la dynastie Mongole, traduite du Persan de Rachid-eddin. Paris, 1833, p. 28; *того же*. Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris, 1824, t. I, p. 449.

⁵⁹ Собрание древнерусских рукописей Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом), оп. 23, № 223, л. 4—6.

⁶⁰ В. С. Мясников. Русские архивные источники о завоевании Китая маньчжурами (1618—1690 гг.). — «Маньчжурское владычество в Китае». М., 1966, с. 110.

⁶¹ А. М. Позднеев. Разыскания в области вопроса о происхождении и развитии маньчжурского алфавита. — «Изв. Восточного ин-та», т. II, в. II, Владивосток, 1901, с. 119.

⁶² Об этом мы уже докладывали особо: Б. П. Полевой. Три значения этнонима «дючеры». — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—1973 гг. 23—26 июля 1974 г.». Л., 1974, с. 92.

зано с даурами. Итак, теперь уже можно уверенно сделать основной вывод: *дючеров середины XVII в. нельзя называть маньчжурами: сами маньчжуры, подобно русским, смотрели на дючеров как на особый народ.*

Несомненно, дючеры середины XVII в. включали в себя нанайцев разных диалектных групп, из которых одни были ближе к эвенкам, другие (например, сунгарийские «хурха») в какой-то степени — к маньчжурам. Все они вместе взятые составляли тогда единый массив этнически близкого населения, который охватывал весьма значительную территорию: по Амуру — от Буреи до оз. Кизи на северо-востоке, долину р. Уссури и низовья Сунгари, а также район рек Урми, Кур и оз. Болонь-Оджал. Прямые предки дючеров жили на этих землях, безусловно, очень давно, еще за много веков до образования чжурчженьского государства. Следовательно, нанайцы могут с полным правом считаться исконным населением этого большого района.

Таким образом, в прошлом некоторые исследователи допускали существенную ошибку, когда утверждали, что в середине XVII в. на Среднем и Нижнем Амуре произошли коренные изменения в этническом составе населения, что будто на место «догольдского населения» пришли гольды — нанайцы. На самом деле нанайцы как жили на Амуре с давних времен, так и оставались основными жителями этого большого района. Можно ли после этого удивляться тому, что в 40-х годах XX в. М. А. Каплан смогла успешно собрать здесь среди нанайцев исторические предания, воссоздающие отдельные эпизоды, связанные с появлением первых русских на Амуре еще в середине XVII в.⁶³ Несомненно, эти сведения дошли до нанайцев XX в. от их прямых предков, которые были свидетелями появления первых русских на Амуре.

В XVII в. нанайцы действительно стали жертвой агрессии со стороны родственных им маньчжуров. Уже к середине XVII в. маньчжуры насильно заставили часть их подчиниться своей власти. Какую-то часть дючеров они с низовьев Сунгари и Среднего Амурса переселили в глубь Маньчжурии. В свете этих данных становится вполне понятным сообщение И. А. Лопатиным известие гольдов-нанайцев о том, что в далеком прошлом маньчжуры переселили на юг 10 гольдских родов⁶⁴. Очевидно, этот рассказ относился к событиям середины XVII в. С некоторых же амурских дючеров маньчжуры в XVII в. стали брать дань в виде единовременных военных контрибуций. Однако в середине XVII в. маньчжурам так и не удалось создать на Амуре ни своих собственных поселений, ни военных крепостей. Первый свой постоянный «военный караул» они смогли поставить у устья Сунгари только после гибели в 1658 г. О. Степанова Кузнеца. Обычно же маньчжуры ограничивались краткосрочными военными походами на Амур. Сильно страдавшие от этих походов дючеры и дауры порою искали себе убежище в тайге или у своих соседей, главным образом у эвенков. Однако эти походы, начавшиеся в 30-х годах XVII в., не были частыми. Неудивительно, что участники похода В. Д. Пояркова — первого русского похода по Амуре — так и не встретили ни одного маньчжура. Реальное влияние «богдойцев» на Амуре тогда было еще незначительным. Именно поэтому в ноябре 1645 г. в Якутске поярковцы утверждали, что «натки и гиляки и жучеры ясаку ему, хану, не платят»⁶⁵.

Впервые русские встретились с маньчжурами лишь во время похода Я. П. Хабарова. В одной из отписок Я. П. Хабарова утверждается, что первая встреча была в Гуйгударовом городке в 1651 г.⁶⁶ Однако позд-

⁶³ М. А. Каплан. Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора. Канд. дис. Л., 1949, т. 2 (приложения).

⁶⁴ И. А. Лопатин. Указ. раб., с. 12.

⁶⁵ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1, стб. 43.

⁶⁶ ДАИ, т. 3, с. 359, 360 или РКО, т. I, с. 134, 135.

нее, уже в 1653 г., когда посланец царя Алексея Михайловича Дмитрий Зиновьев начал на самом Амуре вести следствие по делу Хабарова, амурские казаки стали утверждать, что они впервые столкнулись с маньчжурами лишь в марте 1652 г. под Ачанским городком, т. е. у нанайцев селения Оджал или Уодзял (в маньчжурских источниках — Учжала)⁶⁷. Так, 2 сентября 1653 г. амурский казак И. М. Седельников заявил Д. И. Зиновьеву: «Как-де они пришли с Ярко (Хабаровым) в даурскую землю в 157(1649) году и с тех мест и по ся место они богдойских и иных государств людей в даурской земле никаких ни с чем не видели и приходу их не слышали опричь того, что приходили богдойские люди приступом в дючерской земле к Очанскому острошку...»⁶⁸.

Часть насильственно выведенных с Амура дючеров впоследствии (за три века!) ассимилировалась маньчжурами. Но это, естественно, не может служить для исследователей основанием для того, чтобы столь неосторожно относить дючеров середины XVII в. к маньчжурам: ведь тогда сами маньчжуры смотрели на дючеров как на особую народность.

Теперь спрашивается, почему же в прошлом многие этнографы так легко поверили в версию о том, что нанайцы появились на Амуре только после выселения «всех» дючеров?

Конечно, в какой-то мере здесь сказались недостаточное знакомство с русскими историческими архивными источниками. Многие документы, которые помогают разобраться в этом сложном вопросе, стали известны только в наше время. Но, пожалуй, главным было то, что образ жизни нанайцев XIX—XX вв., казалось, резко отличался от образа жизни дючеров, которые в XVII в. уже имели, правда немногочисленные, пашни, огороды и скот. Эти различия были явно преувеличены. Сообщения Н. Витсена дают основание утверждать, что дючеры в XVII в. по своему образу жизни мало отличались от нанайцев XIX в. Так, Витсен писал, что дючеры второй половины XVII в. «занимаются тем, что около реки Амура стреляют и ловят соболей и черные лисицы и продают их шкуры и еще корень женьшень (ginseng)»⁶⁹. Но разве это не обычные промыслы нанайцев?

Несколько иным было положение до 1656 г. Несомненно, и тогда дючеры занимались и охотой, и сбором дикорастущих растений, в частности женьшеня. Но до 1656 г. часть дючеров еще располагала пашнями и огородами. Конечно, это в первую очередь относилось к южным дючерам, которые жили в более благоприятных для земледельцев климатических условиях и испытывали на себе большее влияние своих южных соседей. Однако и северные дючеры — «натки» — тоже *тогда* имели кое-где пашни и огороды. Поэтому поярковцы «наток» даже называли «пашенными людьми» и советовали самому правительству «промышлять над ними пашенными людьми», чтобы «привести» их под власть России⁷⁰. Следовательно, само наличие пашен и огородов у нижнеамурских нанайцев до середины XVII в. не может вызывать сомнения.

Интересно отметить, что и в XIX в. русские исследователи отмечали, что нанайцы нижнего течения Сунгари и Среднего Амура (вблизи устья

⁶⁷ Г. В. Мелихов полагал, что «Учжала» находилась «к югу от места слияния р. Мулинхэ с Уссури» (см. Г. В. Мелихов. Процесс консолидации..., с. 97; *его же*. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.), с. 56, 73, 216). На самом деле «Учжала» — это селение Оджал на Амуре (подробнее см. Б. П. Полевой. О местонахождении Ачанского городка, с. 326—333). Дополнительные доказательства см. Б. П. Полевой. Где же стоял Ачанский и жили ачань? — «Дальний Восток», 1973, № 12, с. 112—116. Многолетние экспедиции Приамурского филиала Географического о-ва СССР под руководством ученого секретаря филиала А. А. Степанова подтвердили правильность нашего определения, и 16 декабря 1977 г. был издан указ Верховного Совета РСФСР о переименовании села Болонь (бывшего Оджал) в Ачан (см. «Ведомости Верховного Совета РСФСР», № 51 (1001), 22 декабря 1977, с. 852, ст. 1218).

⁶⁸ ЦГАДА, СП, стб. 460, л. 31.

⁶⁹ N. Witsen. Указ. раб., с. 267.

⁷⁰ ЦГАДА, ЯПИ, оп. 1 стб. 43, л. 342.

Сунгари) смогли в какой-то мере возобновить свои былые занятия земледелием⁷¹.

7 октября 1971 г. автор этих строк подробно познакомил Б. О. Долгих с основными выводами данной статьи. Б. О. Долгих одобрил их и добавил, что он и сам пришел к аналогичным выводам, но пока еще не успел об этом сообщить в печати.

Утверждая, что дочки XVII в., оставшиеся на Амуре и Сунгари после 1656 г., были предками современных нанайцев, мы вместе с тем обязаны особо подчеркнуть, что не все современные нанайцы являются потомками дочерей XVII в.

Изучение русских архивных документов дает основание утверждать, что с конца XVII в. имело место весьма широкое переселение тунгусских групп с севера в низовья Амура. Так, в одной из ясачных книг Удского острога имеются отметки о том, что «на Амур сошли» тунгусы «Онинкагиры»⁷². Очевидно, что это были прямые предки рода Оненко, который именно в конце XVII в. присоединился к амурским нанайцам. В середине XVII в. в документах амурских казаков род Оненко еще не упоминался. Несомненно, что при дальнейшем тщательном изучении документации Удского и Охотского острогов удастся документально установить и другие факты переселения тунгусских родов в Приамурье. Вот почему для решения вопросов весьма сложной этнической истории многих народов южной части Советского Дальнего Востока необходимо продолжить изучение русских исторических документов XVII в., которые при строго научном использовании позволят получить достоверный ответ на многие еще нерешенные вопросы этнической истории Приамурья, Приморья и современной Северной Маньчжурии.

Важно отметить, что некоторые тунгусские группы Охотского побережья после своего переселения в Приморье смогли впоследствии за два — два с половиной века настолько сильно подпасть под влияние маньчжурской культуры, что некоторые недостаточно опытные этнографы при проведении полевых исследований в начале XX в. решили, что они будто бы были... выходцами из Центральной Маньчжурии!

В низовьях Амура потомки дочерей — нанайцы — смогли лучше сохранить свои самобытные черты. Поэтому при изучении дочерской проблемы следовало бы еще раз заняться полевыми исследованиями и среди амурских нанайцев. Особенно важно продолжить проводившуюся М. А. Каплан запись их исторических преданий. Весьма любопытные результаты, несомненно, дадут и историко-лингвистические исследования.

Поскольку часть дочерей влилась в число так называемых ичэ маньчжу и позднее ассимилировалась маньчжурами, то, очевидно, для решения ряда вопросов дочерской проблемы необходимо также более подробно изучить пока еще недостаточно хорошо известную этническую историю Маньчжурии.

Особенно важно восстановить подлинную историю взаимоотношений между маньчжурами и дочерами («хурха» и др.). Напомним, что эти отношения были отнюдь не «родственными». С. Л. Тихвинский справедливо указывал: «Во время своих походов против соседних северных, северо-восточных и северо-западных племен (варка, воцзи, хурха и солонов) маньчжуры угоняли тех, кому не удавалось спастись бегством от

⁷¹ См., например, *Р. К. Маак*. Указ. раб., т. I, с. 145.

⁷² ЦГАДА, ф. ЯПИ, оп. 4, кн. 1469, л. 172. «Онинкагиры» в русских документах XVII в. встречались и под другими наименованиями, об этом упоминал еще в 1960 г. Б. О. Долгих. Но тот факт, что они так назывались еще до переселения на Амур, показывает несостоятельность версии о том, что нанайское родовое название «Оненко» будто бы возникло от названия р. Ансой — Они или Уни. Тунгусские родовые названия, несомненно, возникли еще в глубокой древности. Именно поэтому, как показали исследования Г. М. Василевич, одинаковые родовые названия встречаются в самых различных районах расселения тунгусоязычных народностей.

захватчиков на юг в округ Цзяньчжоу»⁷³. В отличие от маньчжуров русские стремились к тому, чтобы местное население всегда оставалось «на своих житиях», т. е. на берегах Амура и его притоках.

Конечно, еще имеются отдельные вопросы дючерской проблемы, которые необходимо дополнительно изучить, но главное стало теперь вполне очевидным: «загадочные» дючеры, несомненно, были предками значительной части населения, вошедшего в состав современных нанайцев.

THE «DUCHER» PROBLEM [according to Russian 17th century documents]

In Russian 17th century documents the Manchurians were called «*Bogdoitsy*» as distinct from the Duchers, a separate nationality inhabiting the middle part of the Amur and the lower reaches of the Sungari (below the mouth of the Mudantsiang River). The Manchurians themselves also regarded them as a different people, the «*Khurkha*». The author summarizes data which shows that the 17th century Duchers were the ancestors of the Amur and Sungari Nanays. The name «Ducher» was first heard from the Mongol-speaking Dahurs and stems from the ethnonym «Jurchen». After the Manchurian state arose and the ethnonym Bogdoitsy (from the Mongolian «Bogdo») came into being the ethnonym Jurchen was retained only by the Nanays, the descendants of the so-called forest Jurchens. Hence the Duchers of the 17th century cannot be called Manchurians. From earliest times the lands bordering upon the middle Amur and the lower Sungari Rivers belonged to the Nanays but certainly not to the Manchurians.

---

⁷³ С. Л. Тихвинский, История Китая и современность. М., 1976, с. 66.